

Ирина Андреевна СИВОЛОВОВА¹

УДК 821.112.2(436)

**ПОЭТИКА ВЕЩИ В СОВРЕМЕННОЙ
АВСТРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНОВ Э. ЕЛИНЕК „DIE LIEBHABERINNEN“,
„DIE KLAVIERSPIELERIN“, „DIE AUSGESPERRTEN“)**

¹ аспирант кафедры русской и зарубежной литературы,
Институт социально-гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет
irinasivol@gmail.com

Аннотация

Вещь является одной из важнейших традиционных категорий эстетики и поэтики австрийских авторов. Исследование роли вещи в повествовательном дискурсе XIX — нач. XX в. было достаточно продуктивным. Однако в творчестве современных писателей поэтика вещи практически не изучена. На наш взгляд, «вещная традиция», связанная с особым мировоззрением австрийских писателей, не прервана и продолжается, например, в творчестве нобелевского лауреата Эльфриды Елинек.

В данной статье мы подходим к анализу творчества Елинек, исходя из собственно поэтики писательницы, и рассматриваем предметно-вещный мир произведения.

Материалом исследования послужили романы 1970-80-х гг., относящиеся к раннему периоду творчества. Мы выявляем четыре способа функционирования вещи в пространстве произведения: «овеществление персонажа», «очеловечивание вещи», «вещь как метод выявления лжи», «онтологизация языка через вещь». В статье устанавливается, что посредством поэтики вещи создается специфический повествовательный код, в котором вербализуется язык вещи. При помощи вещного кода автор решает важные задачи эстетики: развенчание тривиальных мифов, критика общества тотального потребления, преодоление «ложности» языка.

Цитирование: Сиволобова И. А. Поэтика вещи в современной австрийской литературе (на материале романов Э. Елинек „Die Liebhaberinnen“, „Die Klavierspielerin“, „Die Ausgesperrten“) / И. А. Сиволобова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 4. С. 95-104.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-95-104

Ключевые слова

Австрийская литература, вещь, предметно-вещный мир, эстетический код, Э. Елинек, „Die Liebhaberinnen“, „Die Klavierspielerin“, „Die Ausgesperrten“, люди-вещи, человек-вещь.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-95-104

В литературоведении вещь определяется как часть материального мира произведения. Поскольку мир вещей «составляет существенную грань человеческой реальности, как первичной, так и художественно претворенной», то вещи напрямую связаны с героем, с его характером, поведением, мировоззрением и сознанием [12, с. 236].

Поэтому вещь функционирует в произведении в первую очередь как один из способов конструирования образа персонажа. Связь героя и вещи в ходе историко-литературного процесса постоянно меняется. В. Е. Хализев, например, указывает на то, что литература XX в. ознаменовалась тесным усилением взаимовлияния героя и вещи. Изменяется и сам характер изображения вещей от «возвышающе-поэтического» до «снижающе-прозаического» [12, с. 239]. Это обусловлено тем, что вещь как важная составляющая часть реального мира постоянно меняется вместе с ним. Таким образом, вещь наполняется большим культурным смыслом, приобретает символическое значение, «перерастает свою вещность» и «начинает жить, действовать, „веществовать“ в *духовном* пространстве» [12, с. 236]. Поэтому характер изображения предметно-вещного мира произведения на разных историко-литературных этапах является одним из наиболее чутких показателей социокультурного пространства той или иной эпохи.

Важной проблемой является изображение вещи в австрийской литературе, поскольку вещь — это одно из важнейших смыслообразующих понятий как эстетики, так и поэтики австрийской литературной традиции. А. В. Михайлов, анализируя творчество классиков австрийской литературы Адальберта Штифтера и Франца Грильпарцера, замечает: «Вещность — особое свойство австрийской литературы середины века (в ее подлинных созданиях); „вещь“ — это даже один из терминов поэтического языка Штифтера: всему, не только окружающим нас вещам, присущи реальная конкретность, практическая употребимость, пригодность, дельность» [4, с. 395].

Н. С. Павлова также говорит о вещи как ключевом для австрийской литературы понятии, связанном с особым, австрийским пониманием реальности, поэтому и в литературе XX в. «сохраняется прежнее направление внимания — сосредоточенность на вещах» [9, с. 39]. В частности, Н. С. Павлова указывает на «вещные» стихи Р. М. Рильке, произведения Ф. Кафки, в которых вещи становятся «сгустками страхов и растерянности персонажей», и роман Э. Каннети «Ослепление», в котором вещи «„вбирают“ в себя людей» [9, с. 35, 39]. Закономерно предположить, что укоренившаяся вещная традиция не ослабла и в современной литературе. Однако очевидно, что она претерпевает существенные изменения.

В своем исследовании мы обращаемся к текстам одного из ключевых для современной австрийской литературы авторов — Эльфриды Елинек, а именно

романам 1970-80-х гг. („Die Liebhaberinnen“ (1975), „Die Klavierspielerin“ (1983), „Die Ausgesperrten“ (1980)), в которых, на наш взгляд, наиболее ярко отразились вещная поэтика.

Основные направления в исследовании творчества Э. Елинек — это тривиальные мифы и способы их деструкции, лингвистические особенности текстов Елинек, в частности, языковые эксперименты, например, «декоративное слово-множение» (*dekorative Wortvermehrung*) (А. Долл (A. Doll), М. Янц (M. Janz), М. Фишер (M. Fischer), Г. В. Кучумова, Т. В. Акашева), взаимоотношение языка и реальности в ее творчестве, темы насилия, искусства и сексуальности, а также элементы интертекстуальности, в частности связь с философскими идеями Мартина Хайдеггера, Жака Деррида (А. Фидлер (A. Fiddler), К. Флидль (K. Fliedl)). Немаловажным является рассмотрение творчества Елинек в контексте австрийской традиции (П. Целан, П. Хандке, Т. Бернхард). Чрезвычайно актуальным направлением является также исследование эстетики женского письма на материале творчества Елинек и И. Бахман (Р. Янке (R. Janke), В. Вис (V. Vis), А. Э. Воротникова, Г. И. Данилина, Е. В. Соколова).

Поэтика предметно-вещного мира в контексте австрийской вещной традиции в романистике Елинек пока до сих пор не рассматривалась, поэтому представляет большой интерес.

Мы обнаружили несколько функций вещи в романах.

«Овеществление персонажа» (1) и «Очеловечивание вещи» (2)

Первые два момента проявляются в тесной взаимосвязи. Рассмотрим их подробнее.

Герои романов Елинек «целиком „составлены“ из фраз, из устойчивых оборотов, складываются из клише сознания, созданы с помощью языковой игры, характеризуются этой игрой» [1, с. 404]. По мнению Е. С. Яриной, все персонажи претерпевают процесс утраты самоидентификации личности, обусловленный влиянием общества тотального потребления¹, в котором все «„профанируется“ и приобретает свойство потребляемой вещи» [4, с. 498].

В образе действия персонажей, в которых практически отсутствует всякая нравственность и духовность, постоянно подчеркивается автоматичность, даже если речь идет о интимной близости персонажей („aber ihre körperkräfte sind *automatisch* (здесь и далее курсив наш. — И. С.) ganz auf heinz konzentriert“ [24, с. 141]) или занятиях музыкой („wie ein *Uhrwerk* ticken ihre Finger die Sekunden in die Tasten“ [23, с. 48]).

Если герои утрачивают свои человеческие свойства, что свидетельствует о их духовном кризисе, то многие вещи наоборот приобретают человеческие черты. Субъект-персонаж и объект-вещь как бы меняются местами. Герой становится пассивным заложником социального уклада, а вещи как объекты существенного желания, стремления или места, «владеющие» героями (лес, фабрика), наделяются субъектными свойствами („der erich gehört dem wald, aber der wald gehört keineswegs erich“ [24, с. 125]; „die fabrik freut sich trotzdem, wenn frohe menschen sich in sie ergie-

¹ См. работы Е. С. Яриной.

ßen, weil solche mehr leisten als unfrohe“ [24, с. 6]). Женщины на фабрике «обслуживают» (букв. *bedienen*) швейные станки, а велосипеды буквально самостоятельно везут их домой („manchmal am abend fahren die fahrräder ihre besitzerinnen nach hause“ [24, с. 16]). В телевизоре заключается целый мир, который считается намного лучше, чем самостоятельно освоенный живой, реальный („in italien war ich überhaupt nicht, noch nie, und der fernseher ist viel interessanter, da sieht man die ganze welt, ohne, daß man gleich in ihr drinnensein möchte oder müßte“ [24, с. 21-22]). Эта перемена полюсов, смена позиций человека и вещи является поэтическим способом обозначения «болезни» современного общества. Человек утрачивает себя, т. к. факторы, его определяющие, идут не изнутри него самого, а извне. Об этом в частности говорил Мишель Фуко. В современной эпистеме человек существует только как образ, определяющийся через язык, труд и тело. Неустойчивость этих факторов и конечность человеческого существования обусловили вывод Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [13, с. 234].

«Вещь как метод выявления лжи» (3)

Саркастический язык текстов Елинек направлен в первую очередь против «отражения отражения», против «лжи», которая возникает при двойном отражении реального мира сначала в языке, а потом в масс-медиаальном пространстве: «...я работаю с языковыми и образными клише, я вынуждаю язык обнаружить свой ложный идеологический характер, я, так сказать, подвергаю язык порке, чтобы он, вопреки своему желанию, говорил правду» [2, с. 405]. В интервью Елинек признается, что «деконструкция языка» в ее произведениях происходит за счет столкновения: «...лучше всего сталкивать тривиальное с выхолощенным пафосом затасканных слов, чтобы начался процесс осознания» [2, с. 407]. В данном случае вещь-предмет, объект неживой материи, имеющий собственную онтологию, более правдив, чем слово-клише, которое не имеет под собой реальности. Какую ложь выявляет вещь? **Во-первых**, ложь героев, которые лгут друг другу и сами себе. Анна Витковски завидует новым вещам своих одноклассниц, но вслух тут же произносит другое: «Ее корчит от зависти, стоит однокласснице появиться в новом костюме и белой блузке... Вслух она произносит лишь одно:

— Меня блевать тянет, как погляжу на этих расфуфыренных девок. Пустьшки безмозглые, в голове ничего, кроме дурацких шмоток» [7, с. 10].

Хайнц плюет в суп матери, которой нездоровится, при этом «тщательно перемешивает и отдает матери, как будто он и вовсе туда не плевал» [7, с. 201].

Абрикосовый пирог становится символом пропасти между словами, впитавшими философские идеи близнецов, которые при этом «лишены внутренних основ, опираясь на которые они могли бы выстроить собственное мировоззрение» [15, с. 76]:

«— А я вам абрикосовый пирог испекла, — подлизывается мамочка к детям, у которых она ищет понимания, но ничего не находит. (...) От души наорав на свою мать, близнецы тут же переходят к пожиранию пирога. Таким занятием они не брезгают» [7, с. 47].

Одна из ключевых тем, затрагиваемых в «Пианистке», — профанация музыки, превращение ее в средство удовлетворения человеческих потребностей, например, каких-то материальных выгод и благ. Это лицемерие также просвечивает вещь. Несмотря на недовольство публики, госпожа Кохут не брезгует забрать «свою» награду. «Отпускники пользуются случаем и жалуются на шум, который нарушает тишину природы. Мать резко отвечает, что в сонате Шуберта намного больше лесной тишины и покоя, чем в самой лесной тишине. Да разве им втолкуешь? Презрительно отвернув от них лицо, мать вместе с *деревенским маслом* и в сопровождении своей плоти от плоти снова карабкается на одинокую гору. Рядом с ней гордо вышагивает дочь, неся *бидон с молоком*» [8, с. 61].

Во-вторых, как уже говорилось выше, Елинек стремится изобличить незаметную ложь, которая кроется в самом языке: „der atem des lebens bzw. der schwanz von erich hat paula gestreift und nicht nur gestreift“ [24, с. 120]. «Дыхание жизни» в данном случае не имеет ничего общего с реальной жизнью деревенской девушки Паолы, поэтому при «столкновении» (в данном случае уточнении) с вещным телесным предметом выражение теряет флер высокопарности. За данной фраземой стоит затуманенное массовой культурой представление о реальной жизни, носительницей которого, в частности, является Паола, то и дело сопоставляющая себя со знаменитостями.

«Онтологизация языка через вещь» (4)

Если названные выше функции относятся к идейно-семантическому уровню текста, то «онтологизация» — своеобразное «оживление» языка — является общей стилевой особенностью поэтического языка Э. Елинек. Это проявляется в первую очередь через овеществление метафоры, создающей художественный образ. Показательна уже нобелевская речь писательницы, в которой она не просто сравнивает реальность с прической: «Что-то неладное творится нынче с ее [реальности] обликом. Зачесанные наверх и собранные в изящную башенку волосы не лепятся к замку волшебной мечты, не держатся, рассыпаются, и пряди реальности вновь обнаруживают свой строптивый характер» [5, с. 227]. Прическа, волосы оформляются в некий вещественный символ и делают метафизическое явление буквально осязаемым: «предмет, получающий символическое значение, насыщен реальностью» [11, с. 32]. Внутренний мир героев, их чувства и смятения никогда не характеризуются словами, они находятся в области умолчания. Г. И. Данилина пишет об особой повествовательной перспективе — повествовательном коде: «...“das ich ohne Gewähr” в роли повествователя как будто ничего не знает о своих героях, или знает очень немного, и поэтому уходит от объяснения их характеров и поступков. <...> В романах Елинек подобная организация приводит читателя к отождествлению героев с автором» [4, с. 153]. И тогда молчание автора нарушается вещами, которые намного правдивее ложных слов. Характеристика внутреннего состояния Эрики Кохут поступает через вещную метафору: „Der Wanderer geht, doch sie bleibt, wie ein fettiges Butterbrotpapier, auf dem Weg liegen, weht höchstens ein wenig im Wind. Das Papier kann nicht weit fort, es verrottet an Ort und Stelle“ [23, с. 46].

Острая, болезненная проблема «забывания» фашистского прошлого как бы незначай проявляется в лирическом отступлении про снег: „Oft denkt der Vater an die dunklen Skelette der Menschen, die er tötete, bis der SchneePolens nicht mehr unberührt und weiß, sondern berührt und blutig war. Doch der Schnee kommt immer wieder, und mittlerweile trägt er keine Spur der Verschwundenen mehr“ [22, с. 33].

Итак, вещь в произведениях Елинек функционирует как особый повествовательный код, который говорит и не лжет, потому что происходит «освобождение слова повествователя от „объективной истины“» [4, с. 153]. Названные выше способы функционирования вещи в текстах отражают то, как на уровне поэтики произведения решается задача критики социального уклада, т. е. реалий общества тотального потребления, клишированного массового сознания и утраты личностной самоидентификации. Елинек создает особый язык вещи, при помощи которого решается проблема «конфликта с языком». На основании вышесказанного можно предположить, что Э. Елинек привносит новый эстетический смысл в поэтику вещи, связанный прежде всего с особым повествовательным вещным кодом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акашева Т. В. Интертекстуальность как средство разрушения мифов в творчестве Э. Елинек / Т. В. Акашева / Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧелГУ, 2009. Вып. 30. С. 6-10.
2. Белобратов А. В. «Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек / А. В. Белобратов // Елинек Э. Смысл безразличен. Тело бесцельно. Эссе и речи о литературе, искусстве, театре, моде и о себе / Э. Елинек; пер. А. В. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 403-423.
3. Воротникова А. Э. Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970-1980-х гг.: монография / А. Э. Воротникова. Воронеж: ВГПУ, 2006. 274 с.
4. Данилина Г. И. „Das Ich ohne Gewähr“: эстетические коды «женского письма» / Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 8. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 146-154.
5. Елинек Э. В стороне. Нобелевская лекция / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова // Елинек Э. Смысл безразличен. Тело бесцельно. Эссе и речи о литературе, искусстве, театре, моде и о себе / Э. Елинек; пер. А. В. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2010. С. 227-252.
6. Елинек Э. Любовницы: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2007. 282 с.
7. Елинек Э. Перед закрытой дверью: роман / Э. Елинек; пер. с нем. И. Ланина под ред. А. Белобратова. СПб., 2004. 382 с.
8. Елинек Э. Пианистка: роман / Э. Елинек; пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 446 с.
9. Кучумова Г. В. «Подрывная» стратегия разрушения мифов в романах Елинек // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. Вып. 2 (4). Самара, 2009. С. 497-503.

10. Михайлов А. В. Традиционное и новое в австрийской литературе второй половины XIX века / А. В. Михайлов // История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1991. Т. 7. С. 393-395.
11. Павлова Н. С. Природа реальности в австрийской литературе / Н. С. Павлова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 312 с.
12. Соколова Е. В. Взаимосвязь «пола» и «языка» в творчестве Ингеборг Бахман и Эльфриды Елинек / Е. В. Соколова. М.: ИНИОН РАН, 2012. 130 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с франц. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб., 1994. 238 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.
15. Ярина Е. С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Э. Елинек 1975-1980-х годов: дис. канд. филологических наук: 10.01.03 / Е. С. Ярина. Пермь, 2010. 195 с.
16. Doll A. Mythos, Natur und Geschichte bei Elfriede Jelinek. Eine Untersuchung ihrer literarischen Intentionen / A. Doll. Stuttgart: M&P Verlag für Wissenschaft und Forschung, 1994.
17. Fiddler A. Rewriting Reality. An Introduction to Elfriede Jelinek / A. Fiddler. Oxford: Berg, 1994.
18. Fischer M. Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen „Die Liebhaberinnen“ und „Die Klavierspielerin“ / M. Fischer. St. Ingberg: Röhrig, 1991 (= Saarbrücker Beiträge zur Literaturwissenschaft 27).
19. Fliedl K. Sinister-Sujets. Zur Rekonstruktion von Gewalt in den Texten Elfriede Jelineks. In: Aspetsberger, Friedbert (Hg.): Neue Bärte für die Dichter? Studien zur österreichischen Gegenwartsliteratur / K. Fliedl. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1993 (= Schriften des Instituts für Österreichkunde 56/57). S. 185-194.
20. Janz M. Mütter, Amazonen und Elfi Elektra. Zur Selbstinszenierung der Autorin in Elfriede Jelineks „Sportstück“ / M. Janz // Gruber B. (Hg.): Weiblichkeit als politisches Programm? Sexualität, Macht und Mythos. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2005. S. 87-96.
21. Janz, Marlies. Mythendestruktion und „Wissen“. Aspekte der Intersexualität in Elfriede Jelineks Roman „Die Ausgesperrten“. Elfriede Jelinek. Text + Kritik 117, 1993. S. 38-50.
22. Jelinek E. Die Ausgesperrten: Roman / E. Jelinek. Rowohlt RORORO, 2013. 266 S.
23. Jelinek E. Die Klavierspielerin: Roman / E. Jelinek. Rowohlt RORORO, 2014. 335 S.
24. Jelinek E. Die Liebhaberinnen: Roman / E. Jelinek. Rowohlt RORORO, 2014. 205 S.
25. Riedle G. Mehr, mehr, mehr! Zu Elfriede Jelineks Verfahren der dekorativen Wortvermehrung. Elfriede Jelinek / G. Riedle. 1993. Text + Kritik 117. S. 95-103.
26. Vis V. Darstellung und Manifestation von Weiblichkeit in der Prosa Elfriede Jelineks / V. Vis. Frankfurt am Main: Lang, 1998.

Irina A. SIVOLOBOVA¹

**THE POETICS OF A THING IN THE AUSTRIAN LITERATURE
(IN E. JELINEK'S NOVELS „DIE LIEBHABERINNEN“,
„DIE KLAVIERSPIELERIN“, AND „DIE AUSGESPERRTEN“)**

¹ Postgraduate Student,
Department of the Russian and Foreign Literature,
Institute of Social Sciences and Humanities,
University of Tyumen
irinasivol@gmail.com

Abstract

The material object is one of the most important traditional aesthetic and poetic categories of Austrian authors. Research on the role of material objects in the narrative discourse of the 19th — the beginning of the 20th century has been considerably productive. However, poetics of objects in the works of modern authors is understudied. The author believes that the ‘material tradition’, connected with the unique worldview of Austrian authors, has not been broken up and lives on — for example, in the works of Nobel laureate Elfriede Jelinek. The data for study is comprised of novels written in the 1970s-80s that belong to the earlier period of her work. The author has identified four ways, in which a material object can function in the space of her novels: ‘Objectification of a character’, ‘humanization of an object’, ‘exposure of lies’, ‘ontologization of the language’. The author determines that a specific narrative code, that verbalizes the language of a material object, is constructed by the means of material poetics. With the help of material code, Jelinek resolves important issues of aesthetics: deflating trivial myths, criticizing patriarchy, criticizing social patterns of the deeply consumeristic society, overcoming the falsity of language.

Keywords

Austrian literature, object, material world, aesthetic code, E. Jelinek, „Die Liebhaberinnen“, „Die Klavierspielerin“, „Die Ausgesperrten“, people-things, person-thing.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-95-104

Citation: Sivolobova I. A. 2017. “The Poetics of a Thing in the Austrian Literature (In E. Jelinek’s Novels „Die liebhaberinnen“, „Die klavierspielerin“, and „Die ausgesperrten“). Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 4, pp. 95-104. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-95-104

REFERENCES

1. Akasheva T. V. 2009. "Intertekstualnost kak sredstvo razrusheniya mifov v tvorchestve Ye. Yelinek" [Intertextuality as a Means of Breaking the Myths in the Works of E. Jelinek]. *CSU Bulletin*, no 30, pp. 6-10.
2. Belobratov A. V. 2010. "Ya lovlyu yazyk na slove...": intervyyu s Ye. Yelinek" ["I Take the Language at Its Word...": an Interview with E. Jelinek]. In: Jelinek E. *Smysl bezrazlichen. Telo bestselno. Esse i rechi o literature, iskusstve, teatre, mode i o sebe*. Translated by A. V. Belobratov, pp. 403-423. St. Petersburg: Simpozium.
3. Vorotnikova A. Ye. 2006. *Ginotsentricheskie romany Germanii i Avstrii 1970-1980-kh gg.: monografiya* [Gynocentric Novels in Germany and Austria]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
4. Danilina G. I. 2011. "„Das Ich ohne Gewähr“: esteticheskie kody 'zhenskogo pisma'" [„Das Ich ohne Gewähr“: the Aesthetic Codes of "Women's Writing"]. In: *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov*, vol. 8, pp. 146-154. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
5. Jelinek E. 2010. *V storone. Nobelevskaya lektsiya* [Im Abseits]. Translated from German by A. Belobratov. In: Jelinek E. *Smysl bezrazlichen. Telo bestselno. Esse i rechi o literature, iskusstve, teatre, mode i o sebe*, pp. 227-252. St. Petersburg: Simpozium.
6. Jelinek E. 2007. *Lyubovnytsy: roman* [Die Liebhaberinnen]. Translated from German by A. Belobratov. St. Petersburg: Simpozium.
7. Jelinek E. 2004. *Pered zakrytoy dveryu: roman* [Die Ausgesperrten]. Translated from German by I. Lanin, edited by A. Belobratov. St. Petersburg.
8. Jelinek E. 2004. *Pianistka: roman* [Die Klavierspielerin]. Translated from German by A. Belobratov. St. Petersburg: Simpozium.
9. Kuchumova G. V. 2009. "Podryvnaya' strategiya razrusheniya mifov v romanakh Yelinek" [The "Subversive" Strategy of Destruction of the Myths in the Novels of Jelinek]. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 11, no 2 (4), pp. 497-503.
10. Mikhaylov A. V. 1991. "Traditsionnoe i novoe v avstriyskoy literature vtoroy poloviny XIX veka" [The Traditional and the New in the Austrian Literature of the Second Half of the Nineteenth Century]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 t.*, vol. 7, pp. 393-395. Moscow: Nauka.
11. Pavlova N. S. 2005. *Priroda realnosti v avstriyskoy literature* [The Nature of Reality in the Austrian Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury.
12. Sokolova Ye. V. 2012. *Vzaimosvyaz "pola" i "yazyka" v tvorchestve Ingeborg Bakhman i Elfridy Yelinek* [The Relationship of "Sex" and "Language" in the Work of Ingeborg Bachmann and Elfriede Jelinek]. Moscow: INION RAN.
13. Foucault M. 1994. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines]. Translated from French by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. St. Petersburg.
14. Khalizev V. 2002. *Ye. Teoriya literatury: uchebnik* [Literary Theory: Textbook]. 3rd edition, revised. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Yarina Ye. S. 2010. "Problema samoidentifikatsii lichnosti i osobennosti poeticheskoy sistemy v romanakh E. Jelinek 1975-1980-kh godov" [The Problem of Self-Identification of the Individual and the Features of the Poetic System in the Novels of E. Jelinek in 1975-1980s]. *Cand. Sci. (Philol.) diss.*, Ural State University. Perm.

16. Doll A. 1994. Mythos, Natur und Geschichte bei Elfriede Jelinek. Eine Untersuchung ihrer literarischen Intentionen. Stuttgart: M&P Verlag für Wissenschaft und Forschung.
17. Fiddler A. 1994. *Rewriting Reality. An introduction to Elfriede Jelinek*. Oxford: Berg.
18. Fischer M. 1991. Trivialmythen in Elfriede Jelineks Romanen „Die Liebhaberinnen“ und „Die Klavierspielerin“. St. Ingberg: Röhrig (= Saarbrücker Beiträge zur Literaturwissenschaft 27).
19. Fliedl K. 1993. „Sinister-Sujets. Zur Rekonstruktion von Gewalt in den Texten Elfriede Jelineks“. In: Aspetsberger, Friedbert (Hg.): *Neue Bärte für die Dichter? Studien zur österreichischen Gegenwartsliteratur*, pp. 185-194. Wien: Österreichischer Bundesverlag (= Schriften des Instituts für Österreichkunde 56/57).
20. Janz, M. 2005. „Mütter, Amazonen und Elfi Elektra. Zur Selbstinszenierung der Autorin in Elfriede Jelineks ‚Sportstück‘“. In: Gruber B. (Hg.). 2005. *Weiblichkeit als politisches Programm? Sexualität, Macht und Mythos*, pp. 87-96. Würzburg: Königshausen & Neumann.
21. Janz M. 1993. *Mythendestruktion und „Wissen“*. Aspekte der Intersexualität in Elfriede Jelineks Roman „Die Ausgesperrten“. *Elfriede Jelinek*, pp. 38-50. *Text + Kritik* 117.
22. Jelinek E. 2013. *Die Ausgesperrten: Roman*. Gorod: Rowohlt RORORO.
23. Jelinek E. 2014. *Die Klavierspielerin: Roman*. Gorod: Rowohlt RORORO.
24. Jelinek E. 2014. *Die Liebhaberinnen: Roman*. Gorod: Rowohlt RORORO.
25. Riedle G. 1993. Mehr, mehr, mehr! Zu Elfriede Jelineks Verfahren der dekorativen Wortvermehrung. *Elfriede Jelinek*, pp. 95-103. *Text + Kritik* 117.
26. Vis V. 1998. *Darstellung und Manifestation von Weiblichkeit in der Prosa Elfriede Jelineks*. Frankfurt am Main: Lang.